

Теория. Методология

© 2001 г.

Ж.Т. ТОЩЕНКО

МЕТАМОРФОЗЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич - член-корреспондент РАН, главный редактор журнала.

---

*Мечта рабов - это рынок, на котором
можно самим себе купить хозяев.*

*Станислав Ежи Лец
польский поэт (1909-1966)*

Применяя понятие метаморфозы к анализу проблем общественного сознания, мы исходим из того, что подобно тому, как в животном и растительном мире происходят глубокие преобразования живого организма в целом или его основных (отдельных) органов, так и в обществе реализуются различные комбинации его превращения в качественно иное состояние или создаются условия для появления отдельных устойчивых образований, свидетельствующих о кардинальных изменениях экономической, социально-политической и духовной жизни. Метаморфозы присущи и общественному сознанию, особенно в период трансформационных процессов. В свое время Р. Декарт говорил об антисознании, пытаясь объяснить явления, выпадающие из логики общественного развития. Метаморфозы могут охватывать как общественное сознание в целом, так и отдельные его виды, формы, а также механизмы его функционирования. Причем эти метаморфозы могут отражать как отдельные сдвиги и изменения, происходящие в сознании, так и самое причудливое их сочетание. Они - своеобразный результат деформаций общественного сознания, знаменующий появление его превращенных форм на всех уровнях социальной организации общества - макро-, мезо- и микросреда. Но несомненно еще одно - современные метаморфозы появляются и возникают не сами по себе, а при определенных травмирующих условиях, складывающихся задолго до того, как они оформятся в некую целостность, становящуюся заметным явлением в общественной жизни [1].

Условия возникновения метаморфоз

Обычно, когда характеризуют тенденции и проблемы развития общественного сознания, анализируют те реальные условия, в которых люди живут, работают и реализуют свое право на личную и общественную жизнь.

Однако при всей правомерности данного подхода изучение метаморфоз общественного сознания следует начинать с анализа условий их возникновения. В данном случае

мы обращаем внимание на то, что сдвиги и изменения в общественном сознании начинают созревать на предшествующих этапах функционирования общественного строя, проявляются, скажем, в форме несоответствия интересов, потребностей, ценностных ориентаций и установок людей реально существующим общественным (экономическим, социальным, политическим, духовным и т.д.) отношениям.

Изменения, свидетельствующие о перерождении или глубокой деформации современного общественного сознания, накапливались постепенно. С одной стороны, они отражали реакцию на те объективные обстоятельства, которые складывались в советском (российском) обществе и прежде всего в экономике и политике, с другой - они демонстрировали те сдвиги, которые означали появление новых или преобразование ранее сложившихся и функционирующих эталонов и стереотипов поведения. В результате мы все стали свидетелями метаморфоз во всех сферах жизни общества, особенно в общественном сознании и деятельности людей.

Эти глубинные предпосылки сдвигов и изменений в общественном сознании с особой наглядностью обозначили себя в период горбачевской перестройки. Что касается объективных условий, то ложные экономические приоритеты, начавшаяся дезорганизация хозяйственной жизни вкуче с такими акциями, как создание кооперативов на предприятиях, финансово-экономическая деятельность партии, комсомола и других общественных организаций стали мощным фундаментом теневилизации экономики, основой для разрушения пусть заорганизованного, но цельного народнохозяйственного организма. На глазах миллионов людей возникли трудно объяснимые и еще труднее понимаемые процессы, которые с каждым годом ухудшали их социальное положение, делали их свидетелями странных, импульсивных акций руководства страны.

В то же время общественное сознание благосклонно и благодарно восприняло провозглашенную политику гласности, первых шагов на пути демократизации (выборность руководителей, устранение безальтернативных выборов и др.). Такая реакция людей была связана с тем, что к этому времени люди устали от нарастающего засилья лжи, двоемыслия, стремления "казаться, а не быть" (К. Прутков), нравственной коррозии, ибо перерождение, порочность прежнего официального монолитного с социалистическим окрасом мировоззрения стали очевидным фактом. Атмосфера обмана, неправды, абсурда, усталость от непрерывных кампаний парадности и помпезности, злоупотребление святыми символами как, например, Великая Отечественная война, ощущалась многими, что не могло пройти бесследно для общественного сознания. В нем стали созревать мотивы отвержения навязываемых стандартов, сложившихся и пропагандируемых властью эталонов поведения, которые все дальше и дальше уходили от реальных интересов и потребностей людей. Засилье примитивных форм идеологического воздействия (юбилеи, "ленинские уроки и зачеты"), показуха во всем, фальшиво сработанные маски - все это привело к умножению метаморфоз - превращенных форм общественного сознания.

Но замахнувшись на устранение этих препятствий на пути объективно развивающегося общественного сознания, перестройка не только не решила, но и усугубила существовавшие ранее пороки, просчеты, недостатки. Более того, она породила и способствовала появлению и закреплению новых деформированных видов сознания.

Не решили этих проблем общественного сознания и пришедшие на смену перестройке так называемые рыночные реформы. Чувство обманутости, настроения пессимизма и скептицизма получили продолжение и подкрепление в 90-е годы, в условиях постсоветской России, объявленной смены экономического и политического строя. Иначе и быть не могло.

Вступление России в 90-е гг. в рыночную экономику усугубило процессы деформации общественной жизни, породив новые метаморфозы общественного сознания с еще более глубокими и кардинальными социальными последствиями. Эти превращенные формы общественного сознания особенно мощно стали формироваться в связи с реализацией политики экономических реформ и в первую очередь приватизацией, которая имела на первом этапе облик ваучерной (1992-1994), на втором этапе

(с 1994 г.) - денежной, продолжающейся до сих пор. Не следует игнорировать тот факт, что неофициальная приватизация началась еще во время перестройки. Как только официальные государственные и партийные структуры получили разрешение заняться коммерцией, советские чиновники начали присваивать в собственность свои учреждения и реорганизовывать их в частные предприятия. При этом использовались те же поставщики, те же здания и тот же персонал. Менялась только вывеска. Активы ранее существовавших организаций становились собственностью новых хозяев.

За "дикой" приватизацией времен перестройки последовала ваучерная, которая началась в октябре 1992 г. Акции стали некоторым подспорьем жителям России, хотя мало кто смог получить дивиденды и имел право голоса в решении вопросов управления, даже если эти ваучеры были вложены в заводы или предприятия, на которых трудились вкладчики. Но ваучеры оказались весьма полезны тем, кто имел возможность скупить их в больших количествах. Криминальные и коммерческие структуры старались приобрести их как можно скорее. Ваучеры скупались прямо на улицах у жителей или же за бутылку водки у алкоголиков. В других случаях эти структуры организовывали ваучерные фонды, которые рекламировались по телевидению с обещанием высоких дивидендов. Потом они или вовсе не платили дивидендов, или попросту исчезали сами. Таким образом, криминальные и коммерческие структуры собирали гигантские блоки ваучеров, которые использовали для покупки наиболее привлекательных производств, зачастую по бросовым ценам. И в то же время нерентабельные и убыточные производства оставались в руках государства, тяжелой гирей повиснув на вмиг обнищавшем государственном бюджете (в противоположность экономической политике Польше - шоковой терапии, где в первую очередь были проданы ненужные и неэффективные предприятия).

Деформации общественного сознания способствовала гиперинфляция, сопровождавшаяся сознательным обманом народа. Ну, как должно было реагировать общественное сознание на обещание президента Б. Ельцина и главы правительства Е. Гайдара в 1992 г., а затем в 1993 г., что цены вырастут не больше чем в три-пять раз, а потом станут падать. Однако в течение только десяти месяцев 1992 г. цены выросли в триста-четырееста раз, что привело к массовому обнищанию населения. За три месяца 1992 г. 99% сумм, имевшихся у российских граждан на счетах в сберегательных банках, исчезли - были потеряны деньги, копившиеся десятилетиями на квартиру или машину, на свадьбу или достойные похороны. Когда Гайдару напомнили, что Верховный Совет осенью 1991 г. проголосовал за индексацию сбережений граждан в случае либерализации цен, он как ни в чем не бывало ответил, что дисбаланс экономики - вина прежнего режима, а не вновь сформированного правительства.

Одновременно шло разбазаривание, расхищение народного имущества, что также не могло пройти бесследно для общественного сознания. Цены, по которым были проданы многие предприятия, ошеломили российское общество. 324 завода были реализованы по средней цене менее чем 4 млн. долл. каждый. "Уралмаш", гигант машиностроительного производства в Екатеринбурге, был продан за 3,73 млн. долл. Челябинский металлургический комбинат - за ту же цену, Ковровский механический завод, который снабжал армию, МВД и госбезопасность огнестрельным оружием, был продан за 2,7 млн. долл. Телефонные компании были проданы за 116,62 долл. за линию, в то время как в Северной Америке их стоимость составляла 637, а в Венгрии - 2083 долл. за линию [2].

В результате Россия с ее самыми богатыми в мире природными ресурсами очутилась на грани экономического краха. За десятилетие объем внутреннего валового продукта упал наполовину, чего не произошло даже в Великую Отечественную войну. Россия стала похожа на страну третьего мира, которая распродает свое сырье - нефть, газ, драгоценные металлы - в обмен на импорт потребительских товаров.

Одновременно в 90-е годы объем инвестиций в экономику России сократился на 80%. Из-за недостатка инвестиций многие секторы российской индустрии, включая

авиастроение, машиностроение, пищевую промышленность, производство текстиля и микроэлектронику, практически находятся на грани полного исчезновения. Из страны начали вывозить в огромных количествах капиталы. По оценке МВД, за эти годы из России нелегально было вывезено около 350 млрд. долл. Их переправляли, в частности в чемоданах через таможенно аэропорта "Шереметьево-2" ("черный рынок"), переводили в счет оплаты подставным фирмам якобы за услуги, которые на самом деле никогда не оказывались ("серый рынок"), что стало мощной основой для формирования теневой и криминальной экономики, уже с середины 90-х годов включавших в орбиту своего воздействия, по оценкам экспертов, от 45 до 55% валового национального продукта.

Экономические трудности сопровождаются демографической катастрофой. Средняя продолжительность жизни мужчин сократилась более чем на шесть лет по сравнению с 1985 г. В конце 90-х гг. она составляла 57 лет, что является самым низким показателем в индустриальном мире. Из ста русских мальчиков, которые в 1999 г. достигли шестнадцатилетнего возраста, только 54 смогут, согласно статистике, отпраздновать свой шестидесятилетний юбилей. Для сравнения: сто лет назад 56 из каждой сотни шестнадцатилетних ребят из российской провинции имели шанс дожить до шестидесяти.

Разрушительный характер экономической и социальной политики серьезно подорвал здоровье нации. Свыше двух миллионов людей в России больны туберкулезом, причем, количество официально зарегистрированных случаев открытой стадии туберкулеза увеличилось вдвое - с 50 тыс. в 1991 г. до 100 тыс. в 1997 г. Количество больных сифилисом возросло в 57 раз - с 8 тыс. в 1990 г до 450 тыс. в 1997 г. Другие тяжелые заболевания: полиомиелит, холера и даже чума говорят об угрожающем состоянии здоровья общества и всей системы общественной гигиены.

Все это привело к тому, что многие люди живут в условиях постоянного стресса. Задержка в выплате зарплаты от трех до восьми месяцев является результатом спекуляций на всех уровнях экономики. Спасают приусадебные участки, на которых выращивают до 40% общего объема продуктов питания. Отчаяние, вызванное экономической ситуацией, стало причиной роста самоубийств и насилия в обществе.

Информация об экономическом беспределе, о грубом и беззастенчивом грабеже народа, о финансовых аферах, становясь достоянием общественного сознания, привела одних в изумление, других - в потрясение, третьи испытывали чувство "растерянности. Немало было возмущенных, протестующих и просто теряющих ориентиры, что имело следствием апатию и безразличие. Иначе говоря, шоковая терапия в экономике привела к шоку общества. В такой ситуации, аналогичной периоду первоначального накопления капитала с его кровавыми разборками и беспощадной борьбой за собственность, в общественном сознании не могли не образоваться и появиться новые метаморфозы общественного сознания. Да и как не могло не деформироваться общественное сознание, когда, по мнению советолога, американского профессора С. Козна, "современная Россия — это страна, в которой 75% населения обнищали или близки к обнищанию, где сирот больше, чем после второй мировой войны... это нищее государство, которому грозят голод, холод и разруха... мы должны говорить о беспрецедентном итоге: о буквальной демодернизации страны" [3].

Условия для возникновения метаморфоз были также созданы глубоко противоречивыми процессами в политической жизни общества, когда народ открыто отстранялся от участия в управлении или создавалась видимость его причастности к выбору власти в процессе избирательных кампаний, достигших высокого уровня манипулятивности.

Уровень доверия ко всем властным структурам упал до такого уровня, который в развитых странах стал бы основанием для отставки правительства, проведения новых выборов, для смены многих действующих политических лиц. В России они, как ни в чем не бывало, продолжают, даже лишившись официальных постов, участвовать в принятии политических решений и разглагольствовать о судьбах народа. Однако народ

интуитивно нуждается в покровительстве, в доверии к тем, кто мог бы защитить, опекать, обеспечить уверенность хотя бы на ближайшее будущее. Именно эти настроения привели к всплеску доверия к новому Президенту России, которое обусловлено пока не столько реальными делами, сколько надеждой на серьезные коррективы во внутренней и внешней политике страны. Причем, если эти надежды будут поставлены под сомнение, падение доверия и отвержение политического истеблишмента не заставит себя ждать.

Деструктивную роль, в немалой мере способствующую метаморфозам общественного сознания, сыграла провозглашенная, но ложно понятая и еще более ложно примененная свобода. Парадоксы ее трактовки и использования породили новые противоречия - свобода стала превращаться во вседозволенность при полной атрофии ответственности и отрицании права на такую же свободу рядом живущих людей [4]. Не удивительно, что понятие "демократия" претерпело удивительные метаморфозы - из почитаемого, высоко ценимого оно превратилось в нечто чуть ли не предсудительное, неприличное, ругательное, неприемлемое. И это за несколько лет его торжественного включения в общественную жизнь! Метаморфозы, происшедшие с данным понятием, как и другими подобными словами, вошедшими в лексикон 90-х годов (свобода, суверенитет, рынок и т.д.), как показали в своих исследованиях семантического дифференциала психологи и социологи, стали возможными не только из-за изменений объективной реальности, но и субъективной деятельности тех, кто пытался реализовать идеи рыночного общества [5].

Эти противоречия деформировали поиск действительных механизмов функционирования общественной жизни вообще и реального сознания в частности. Так, в современном российском обществе появилось огромное количество оракулов (лиц, групп и даже политических партий и движений), которые беспепелляционно претендуют на монопольное право знать истину в последней инстанции и способы ее реализации. Но как и в советское время, так и в постсоветской России такая позиция порождает беспочвенные претензии и в силу этого плодит, с одной стороны, авантюристов различного пошиба, с другой - приспособленцев, некритически мыслящих людей, твердо-лобых и беспринципных исполнителей рыночных реформ.

Что касается метаморфоз в теоретическом знании, то следует обратить внимание на тот факт, что в 60-80-е годы в Советском Союзе теоретический уровень общественного сознания все больше приходил в противоречие с реальной действительностью и неадекватно отражал ее диалектическое развитие. Идеи, концепции, будучи ущербными, односторонними и ограниченными по своей сущности, не только не могли благотворно влиять на общественные процессы, но, напротив, тормозили их, торпедировали многие прогрессивные начинания и неправильно, ошибочно ориентировали практику. Социальная наука оказалась неспособной осмыслить ход исторического процесса и в силу этого не могла верно ориентировать и мобилизовать созидательные силы страны. И вполне естественно, что суд истории был суров и неумолим: теоретически ошибочным концепциям было отказано в праве на существование, они были отвергнуты как нанесшие труднопоправимый вред развитию общества.

Не стали реальной силой, а лишь усугубили противоречия в общественном сознании теоретические изыски идеологов нового преобразования России. Причем, они выработывались, аргументировались и доказывались, исходя не из научного анализа реальной жизни, а из неких заранее постулированных догматов и установок, имеющих отношение к политическим убеждениям авторов, но не имеющих или имеющих весьма приблизительное отношение не только к науке, но и к здравому смыслу. Не следует недооценивать, сбрасывать со счета влияния усиленно насаждавшихся, некритически заимствованных концепций. В этих условиях официальной или полуофициальной теоретической мыслью в общественное сознание настойчиво внедрялись две идеи. Во-первых, идея о том, что все прошлое (главным образом, советское прошлое) должно быть отринуту без всякого сожаления, ибо оно, мол, порочно от начала и до конца. Сейчас под влиянием объективных реалий уже частично оспаривается такое ниги-

диетическое отношение, хотя по многим параметрам время ушло безвозвратно. Во-вторых, идея рынка, который изображался как единственный путь выхода из кризисного состояния. Время также показало, что идеализация рынка обернулась весьма крупными издержками и потерями, и особенно в социальной сфере жизни общества. Для теоретиков-апологетов рынка не стало предупреждением мнение многих авторитетных деятелей западного мира, в частности главы французского правительства Л. Жоспэна, считающего, что в современных странах должен реализовываться принцип "Да - рыночной экономике, нет - рыночному обществу" [6]. С полным основанием можно согласиться и с А. Солженицыным, что "в результате ельцинской эры разгромлены все основные направления государственной, народнохозяйственной, культурной и нравственной жизни" [7].

Обобщая сказанное, можно утверждать, что деформации общественной практики и научной мысли создали условия и привели к метаморфозам общественного сознания, в результате чего мы имеем различные формы превращенного сознания, затрагивающие как все аспекты общественной жизни, так и отдельные его сегменты. Опираясь на принципы типологизации общественных явлений, рассмотрим многообразие ситуаций, посредством которых можно зафиксировать различные проявления метаморфоз. В первом приближении рассмотрим в двух ракурсах как глобальные метаморфозы, так и отдельные их проявления (казусы).

Глобальные метаморфозы общественного сознания

В условиях переходного, деструктивного развития общественное сознание приобретает различные формы деформированного, искаженного восприятия действительности с последующим превращением их в аналогичные виды неадекватного, противоречивого и отклоняющегося поведения. Они возникают под влиянием как глобальных макроэкономических и макрополитических процессов, так и под воздействием мезо- и микросреды, т.е. тех процессов, которые происходят там, где человек живет и работает, где протекает его повседневная жизнь.

В научной и общественно-политической мысли довольно детально описана и проанализирована современная реальность. Поэтому нет смысла умножать уже общеизвестные факты. На наш взгляд, следует обратить внимание на то, что в имеющихся теоретико-методологических и прикладных разработках делаются многочисленные попытки осмыслить явления и процессы, характерные для периода крушения устаревших общественных отношений и хаотического становления нового экономического и политического порядка. Особое внимание обращается на то, что общественное сознание, находясь в состоянии стресса, постоянных перегрузок, рождало (и рождает) чрезвычайно запутанное парадоксальное переплетение взглядов, мнений и оценок происходящих событий. История российского (советского) общества не однажды свидетельствовала, что общественное сознание может многократно усиливать или ослаблять поступательное развитие, процессы функционирования экономических, социальных, политических и духовных отношений. Именно активный характер общественного сознания способен обеспечивать мощное воздействие на политические и идеологические решения, причем не только положительное. Это касается как периода революции и новой экономической политики, так и первых пятилеток, времени Великой Отечественной войны. Годы застоя - это тоже не только годы экономических и политических просчетов и потерь, это и годы, когда человек противостоял провозглашенным официальным ценностям, своим поведением отвергая то, что ему навязывалось, хотя этот протест в подавляющем большинстве случаев носил пассивный и скрытый характер. Именно в силу латентности процессов, происходящих в умах людей, в реальном сознании, их разрушительная сила становилась все более впечатляющей по своему размаху и влиянию.

Практически этими же издержками характеризуется развитие общественного сознания в современной России. Изменения, происходящие в нем, свидетельствуют о тяж-

ком пути от вдохновляющих надежд до полного разочарования в реальных результатах, от веры в то, что может быть достигнут новый уровень человеческого самозащиты, до осознания одиночества и незащищенности от новых социальных сил, порожденных так называемыми рыночными отношениями.

Иначе говоря, обстоятельный анализ процессов, происходящих в общественном сознании на различных этапах развития отечественной истории, позволяет обнаружить проблемность его развития, серьезные издержки и изъяны в общественном организме, которые можно обнаружить не только посредством экономического анализа, но и при помощи социологических методов исследования духовной жизни. В этой связи следует отметить, что не утверждение должного, а выявление состояния и проблем развития реального общественного сознания составляет суть научных поисков, ибо как ни парадоксально признавать, проповедь должного практически ни на пядь не продвигает нас в преодолении существующих в обществе противоречий.

В стремлении выявить причины противоречивого и превращенного состояния общественного сознания многие социологи обращают внимание как на общие, так и на отдельные формы его проявления, анализируя в нем те процессы, которые кажутся им актуальными, злободневными, определяющими содержание, фон и его особенности на современном этапе развития общества.

Остановимся сначала на предельно общих, глобальных метаморфозах общественного сознания, которые стали или могут стать объектом обстоятельного научного анализа.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на такую характеристику состояния современного общественного сознания, которое описывается через понятие "**расколотое**" или "**разорванное**". На наш взгляд, исследователи, которые используют данную терминологию, не удовлетворены такими определениями, как разнообразие, дифференциация, противоречивость общественного сознания. Употребляя термин "расколотое" общественное сознание, они выделяют такие черты (или признаки) как существование в нем не просто противоречивых, но взаимоисключающих установок и ориентаций, нежелание находить общие позиции и согласовывать их, отказ или воздержание от компромиссов и даже готовность поощрять крайние формы враждебности по отношению к несогласным. Даже в сопутствующих друг другу таких понятиях, как личное и общественное, правовое и нравственное, профессиональное и общечеловеческое, в условиях расколотости сознания и его реализации можно обнаружить процессы противостояния, несогласованности, противоречивости [8]. Вместе с тем, как говорил Г. Лебон, попытки описать сознание посредством таких характеристик таит в себе опасность поиска простых объяснений, использования свободы мнений и суждений как возможности ущемления достоинства, прав и чести личности. Расколотое сознание по своей сути означает распад целостности общественного сознания и как следствие, предпосылку для краха экономической и политической системы страны.

Стремление уловить новые тенденции в общественном сознании в связи с изменяющимися экономическими реалиями привело к появлению такого словообразования, как "**рыночное сознание**" [9]. Сторонники этого понятия полагают, что рынок принципиально изменяет структуру мышления, знаний, отношение к ценностям, информации. Но такая убежденность скорее отражает или желаемое или в лучшем случае некие нормативные требования. В действительности же оказывается, что компоненты сознания, которые можно было бы охарактеризовать как рыночные, практически не появились, а если и стали реальностью, то лишь для небольшой группы людей, в основном предпринимателей. Что же касается большинства работающих, то эти новообразования в их сознании малозаметны, малоощутимы, маловлиятельны. Во всяком случае, исследования, проведенные в рамках совместного российско-канадского проекта "Россия на пути к рынку" в 90-х годах показали, что сравнение сознания работников производства на частных, акционерных и государственных предприятиях не выявило существенных различий между ними [10].

Происходящие метаморфозы общественного сознания, его состояние и проблемы

нередко описываются посредством термина "**маргинальное сознание**" [11]. Сторонники этой точки зрения исходят из того, что крах СССР и сложные процессы, сопровождающие становление постсоветской России, привели к тому, что все прежние формы и виды общественного сознания были подвергнуты коренной ломке, заставив всех без исключения людей осознать (сразу или с некоторой задержкой) свое новое социальное положение, которое в большинстве случаев оказалось неустойчивым. Это привело к тому, что прежние характеристики сознания существенно изменились (некоторые исчезли совсем), а новые еще не закрепились в реальной общественной практике. И кроме того, нет уверенности, что эти новые образования или модернизированные, сложившиеся есть то, что удовлетворит общество и самих людей. Эта неустойчивость, неясность, неопределенность социального положения приводит к тому, что общественное сознание находится в состоянии маргинальности, когда в нем самым причудливым образом сочетаются старые и новые политические идеи, космополитические и националистические ориентации, республиканские и монархические ориентиры, религиозные и атеистические убеждения, трудовые и потребительские установки.

Все это с полным основанием позволяет утверждать, что ведущей (по некоторым утверждениям, основной) характеристикой общественного сознания является его маргинальность, когда любое его проявление обнаруживает пограничную природу (несбалансированность) между традиционными и новыми сущностями.

Общественное сознание испытывает огромные перегрузки. Смена политических и экономических ориентиров с неизбежностью дезорганизует систему ценностей, порождает различное восприятие происходящих изменений. Причем этот процесс не ослабевает, а напротив, набирает обороты, усиливается, проявляется в самых различных формах, чаще всего в форме **ложного сознания**, когда объективные картины мира отражаются искаженно, предвзято, тенденциозно. Рождению и расширению границ ложного сознания способствовали не только объективные, но и субъективные обстоятельства. Идеи и идеалы испытывались на прочность не всегда достойными приемами, подвергались коррозии, опорочивались теми, кто был призван блюсти их незыблемость и чистоту [12].

Ложное сознание является прямым следствием тех условий, когда "хозяевами жизни" говорится одно, а в действительности осуществляется совсем другое. В такой ситуации человек вынужден приспособляться и к этому. В свою очередь, навязываемый процесс приспособления подталкивает его к социальной мимикрии: его сознание просто не могло (да и сейчас еще нередко не может) быть иным, как ложным, деформированным.

Ложное сознание проявляется чаще всего в двух формах: в мифах и стереотипах. Именно они неоднозначно воздействуют на жизнь людей, нередко подавляют все новое, нетрафаретное, порождают стойкие изъяны в сознании и поведении людей. Ложное сознание способствует также распространению идеологии "маленького человека": "от меня ничего не зависит", "пусть начальство решает, власти думают", "я бы хотел, но..." и т.д. Отсюда рукой подать до социального равнодушия, чувства безнадежности, попрания прав личности, неверия в бескорыстие и неуважения к профессии.

Ложное сознание в значительной степени связано с функционированием идей, которые в своем большинстве отражают не реальную, а желаемую картину того или иного общественного процесса или явления.

Официальными органами было выработано немало штампов, за которыми скрывались бездумность, нежелание считаться с реальностью, догматический стиль мышления. Есть в теории пропаганды такое понятие - "блестящая неопределенность". Оно в полной мере применимо к таким утверждениям, которые повторялись без элементарного намерения понять сущность явления. Например, "рынок и демократия неразделимы". Мол, рынок без демократии не является рынком в полном смысле этого слова. А демократия не может продемонстрировать в полной мере свои преимущества без рынка.

В этой связи хотелось бы сказать о том анализе, который был осуществлен в 1994 г. на XIII Международном социологическом конгрессе в Билефельде (ФРГ). В работе одной из секций конгресса на материалах многих исследований были показаны различные концепции развития рынка: от западноевропейской до тоталитарной, от социально ориентированной до уповающей на безудержную свободу предпринимательских намерений. Причем, многие из этих вариантов были по-своему эффективны, особенно если они реализовывались с учетом национальной культуры и менталитета народа этой страны. А так как эта "сверкающая неопределенность" - рынок - не была "привязана" к реальным проблемам России, посулы и надежды российских западников рухнули, поколебав веру в могущество рынка.

Ложное сознание ведет к неправильным выводам и соответственно практическим действиям. Его опасность заключается в том, что оно травмирует жизнь не только отдельных групп и социальных слоев - оно деформирует реально функционирующее сознание в целом. Когда масштабы ложного сознания значительны, они превращают все общество в некое подобие толпы, манипулирование которой становится делом техники, "черного" пиара, способных коренным образом изменить поведение людей в желаемом направлении.

Казусы метаморфоз общественного сознания

Анализ социологической информации показывает, что метаморфозы общественного сознания касаются не только его общего состояния, развития и функционирования, но и его всевозможных проявлений, всплесков, фантомов, захватывающих отдельные его сегменты и формы.

К их числу следует прежде всего отнести **катастрофическое сознание**, которое развивается в рамках трех сценариев: "плохо", "очень плохо", "невозможно выдержать". В то же время это не означает, что все люди, все общество поражено катастрофизмом - это скорее объясняется тем, что люди (и в этом проявляется их оценка руководства страны) не понимают и не видят стратегии развития — их внимание сосредотачивается только на сиюминутных проблемах, краткосрочных потребностях и ближайших целях. Между тем эффективное и рациональное решение даже оперативных планов возможно лишь в рамках долгосрочных программ развития, важнейшим компонентом которых является доверие и убежденность людей в плодотворности происходящих изменений [13].

Крах надежд на быстрое переустройство общественной и личной жизни ускорил появление различных форм катастрофического сознания, когда значительное количество людей убедилось, что Россия перестала быть великой страной, что российское общество утратило многие достижения, что страну ждут большие испытания. И особенно ярко эта катастрофичность суждений проявлялась при оценке ситуации в стране в целом, в меньшей мере своего личного положения. Это в свою очередь обнаружило если не парадоксальную, но весьма специфическую черту современного общественного сознания: люди в большей мере тревожились за перспективы развития общества, чем за свое место, свое будущее и свое социальное положение в нем. По данным ВЦИОМ, этот разрыв достигал в отдельные годы достаточно значительных размеров [14].

В осмыслении реальности переходного периода в России и существования в общественном сознании ряда новых экстраординарных явлений появились и стали использоваться, причем не только в публицистической, но и научной литературе, такие определения, как **больное, патологическое сознание** (не в медицинском, а социальном смысле). Очевидно, что подобные формулировки отражают ту часть или те явления в общественном сознании, которые вызывают тревогу, озабоченность, беспокойство за судьбы народа, страны, государства. Подобные определения сродни катастрофическому сознанию, хотя они выражены скорее не в терминах обреченности, а в форме диагноза, с надеждой на то, что такая постановка вопроса позволит понять сложив-

шуюся опасную ситуацию в обществе, оценить масштабы и характер возможных осложнений и потрясений и на основе их анализа способствовать выработке мер, которые бы сняли социальную напряженность, содействовали скорейшему выздоровлению и возвращению российского общества в лоно мировой цивилизации.

При характеристике отдельных форм превращенного, деформированного общественного сознания иногда используется термин "**демагогическое сознание**", означающий такие его проявления, когда индивиды сознательно, с корыстной целью злоупотребляют нормативными установками и моральными ценностями [15]. Сознательное искажение этих ценностей многолико и обычно преследует достижение узкогрупповых или личных интересов во всех без исключения сферах общественной жизни. Причем, это искажение разнится по форме, а не по существу, ибо демагогия весьма успешно паразитирует на сложностях развития общества. Сознание демагогов четко фиксирует общественные приоритеты, настроения, которые служат им для прикрытия и реализации своекорыстных интересов. Так, в сфере экономической деятельности демагогическое сознание проявляется в виде постоянных нападок и отвержения всех без исключения установок, законов, положений, которые ограничивают максимизацию получения прибыли, дохода. Все, что направлено на регулирование денежных потоков, расценивается носителями этого вида сознания как ущемление прав и свобод субъектов рыночной экономики. По сравнению с советским периодом, когда подобная практика в большинстве случаев ограничивалась стремлением получить дополнительную зарплату или премию, аппетиты нынешних носителей экономической выгоды беспредельны, нацелены на огромные барыши и на полное отвержение таких призывов, которые прозвучали в устах бывшего министра финансов А. Лившица: "Надо делиться". В результате, как утверждает известный экономист СЮ. Глазьев, 50-60 млрд. долларов от продажи сырьевых ресурсов страны ежегодно присваивается теми, кто "оседлал" приватизацию, ухватив жирные куски государственной собственности. Это породило зависть у неуспевших поживиться и как следствие привело к попыткам, в т.ч. кровавым, передела собственности [16].

В сфере политической демагогическое сознание проявляется в стремлении любой ценой добиться властных полномочий, сохранить за собой возможность влиять на ответственные решения на всех уровнях политической организации общества. В целом, в этих устремлениях нет ничего невозможного или неприемлемого — все дело в мотивах и методах, которыми это влияние осуществляется. А эти методы достаточно широко продемонстрированы участниками современной политической жизни: "уничтожить" всех стоящих на пути к власти, готовность шагать по трупам, строить свое политическое благополучие за счет всех возможных, в том числе и криминальных способов. И все это сопровождается клятвами, что осуществляется данное во имя народа и его благосостояния. Именно масштабы и последствия этого сознания позволили русскому писателю В. Распутину утверждать, что демагогия становится не менее страшной угрозой для России, чем алкоголизм.

Представляет определенный интерес попытка описать такой феномен, как **сумеречное сознание** [17]. Оно могло появиться, во-первых, в связи с утратой многими людьми прежних ориентиров в общественной и личной жизни. Во-вторых, эта потеря сопровождается убежденностью в том, что к прошлым идеалам и ориентирам возврата нет и не будет, что расценивается как утрата ценности и смысла прежней жизни. В-третьих, этими людьми резко отвергаются новые общественные цели, новые экономические и политические реалии. Причем, они не видят возможности не только принять их, но и примириться с ними. Все это рождает такой феномен общественного сознания, когда будущее личной и общественной жизни практически отрицается, когда сознание людей находится в угнетенном состоянии, и они не видят путей и способов выхода из сложившихся в их жизни обстоятельств. Показателем сумеречности сознания является рост неврозов, психозов и особенно такой формы расстройств сознания как самоубийство. По данным Всемирной организации здравоохранения, уровень свыше 20 суицидов на 100 тыс. населения считается высоким. В России к

середине 90-х годов этот уровень был превзойден более чем в 2 раза: он вырос с 26,4 в 1990 г. до 39,4 случаев в 1996 г. Такое состояние общественного сознания весьма опасно, ибо оно порождает, с одной стороны, чувство безысходности, неверие в возможность полнокровной жизни, с другой - труднообъяснимые и неожиданные вспышки ярости, безрассудства, желания прибегнуть к насильственным средствам, чтобы изменить создавшееся положение.

Данные социологических исследований позволяют говорить и о некоторых других метаморфозах общественного сознания. Так, важное значение приобрело сознание и поведение людей, которое условно можно назвать **нонконформистским, протестным**. Оно не присуще определенным группам или сообществам - оно скорее "разлито" среди всех социальных слоев и групп, когда некоторая часть их представителей не желает мириться с происходящими изменениями, отвергает их изначально как посягающих на их жизненные основы. Формы нонконформизма многообразны: от пассивного несогласия до участия в акциях протеста и выражения недовольства, а также непрерывной и непрекращающейся борьбы с тем, что они отвергают как для себя, так и для других людей. С точки зрения социальной психологии, люди, живущие с установкой всегда говорить "нет", образуют достаточно стабильный социальный слой, который упорен и последователен в своих намерениях и поступках. Этот слой практически не уменьшается в своем объеме и величине - он может только прирастать за счет примыкающих к нему в период социальных обострений [18].

К специфическим формам превращенного сознания и его метаморфозам можно отнести **утопическое сознание**, которое представляет собой некий синтез убеждений, ориентации и установок, слабо или совсем не коррелирующих с реальной жизнью. Утопическое сознание в условиях трансформирующегося общества обычно представлено двумя видами: один из них направлен на идеализацию прошлого, другой - на идеализацию неких провозглашенных эталонов, которые еще предстоит испытать, апробировать. И дело не в ошибочности этих ориентации - дело в опережении, желании оправдать и поддержать то, что еще не определено самой жизнью. Несмотря на свою диаметрально противоположность, обе ориентации имеют одну общую характеристику: предвзятость, выражающуюся в беспрекословном стремлении оправдать или навязать другим почитаемую ими идею, концепцию, теорию. Иногда утопическое сознание приобретает облик фантастического, что по сути дела не меняет содержание, а лишь разнообразит форму его проявления [19].

При анализе метаморфоз общественного сознания следует упомянуть **иллюзорное сознание**, которое олицетворяет, как это ни парадоксально, процесс рождения и краха фантазий, мифов, самообмана. Человеку свойственно мечтать, строить планы, надеяться. Но практически никогда не реализовывалось то, что ожидалось, что лелеялось в мечтах, что выстраивалось в цель, которая-де должна была объединить если не всех, то многих. И всегда получалось нечто иное, чем то, что задумывалось, предполагалось. Обреченность иллюзорного сознания подрывает надежды людей, ибо достижение устойчивости и благополучия не может быть реализовано на пути благих пожеланий, сомнительных обещаний и вере в сказку [20].

Накопление, нарастание противоречий в реальном сознании наглядно проявляется в виде своеобразного **манипулируемого сознания**. Его суть заключается в том, что человек обладает как бы сразу двумя (а иногда тремя и более) формами сознания: для официальной обстановки, для семьи и близких людей. Иначе как объяснить распространение казнокрадства, взяточничества, хищений собственности, снижение ответственности рядовых работников и двойную жизнь руководителей, мировоззрение которых далеко не ушло от ориентиров преступного мира. В этих условиях реальное сознание не могло во многом не потерять своей устойчивости, настойчивости, непримиримости. Смело отвергая в общем плане такие негативные явления, как коррупцию, бюрократизм, взяточничество и т.п., люди нередко пасуют перед их обличением в конкретной обстановке, в своей производственной организации, в непосредственном окружении. Все это порождает извращенные формы взаимоотношений между субъек-

тами исторического процесса, что в свою очередь уменьшает созидательную силу общественного сознания и одновременно увеличивает степень его конформизма.

Эта форма сознания стала очевидной и получила распространение в жизни населения, стала идеологией политических и общественных организаций. Почему это стало возможным? Во-первых, потому, что на официальном уровне рекомендовались и поддерживались плутократические тенденции в осуществлении политической власти, а также те, кто обладает богатством и узурпировал право распоряжаться национальным достоянием. Во-вторых, средства массовой информации в своем большинстве превратились в каналы препарирования информации в интересах тех структур, которые являются их собственниками. В этих условиях свобода слова превратилась в свободу слова определенных корпораций (политических, экономических), отстаивающих всеми доступными им средствами свои привилегии, свою собственность, свой капитал. В-третьих, политическое руководство, олигархи избрали своим основным средством воздействия на людей иезуитские методы, которые изначально нацелены на оболванивание, введение в заблуждение, на поиск потенциальных и мнимых врагов [21].

В попытке осмыслить реальную роль общественного сознания известный французский историк Марк Блок в своем труде "Апология истории" предложил изучать его доминанту - повседневное или обыденное сознание, которое, по его мнению, дает возможность максимально верно понять, почему в данной стране, в данное время происходили именно эти, а не другие события. Он справедливо утверждал, что надо изучать не жизнь царей и королей, не сами события как таковые, а именно сознание большинства, потому что ход истории определяется именно этой специфической формой общественного сознания и никакой другой [22]. Если разобраться по существу, его объяснение было по своей сути своеобразной интерпретацией марксистского положения о роли народных масс. Это сознание было в дальнейшем в советском общественно названо массовым (Б. Грушин, Г. Дилигенский, А. Уледов). Позднее автор настоящей работы предложил его трактовку как реально функционирующего сознания [23].

Осмысление феномена метаморфоз общественного сознания в современной отечественной социологической литературе осуществляется достаточно интенсивно. В русле тенденции переноса интересов социологов с анализа объективных социальных реалий на исследование субъективности [24] при описании и анализе различных отклонений общественного сознания предлагаются такие термины, как **ситуативное** (Л.А. Гордон), **амбивалентное** (Ж.М. Грищенко), **элитарное** (Е.В. Охотский), **уровни-тельное** (Н.М. Римашевская) и др.

Таким образом, метаморфозы общественного сознания многолики и многообразны, их роль и влияние на общественную жизнь значительны. Многие из них являются выражением "социальных болезней", барометром состояния общества, индикатором неблагополучия и пагубности многих официальных акций. Но именно деформированные виды общественного сознания, его метаморфозы, отражающие не столько поступательное, сколько зигзагообразное развитие, необходимо знать и изучать, чтобы оценить их распространенность, влияние, а также определить условия, препятствующие (или способствующие) их распространению и укреплению.

Все эти метаморфозы создали основу и обусловили появление одного из поразительных явлений переходного периода - **парадоксальность** общественного сознания. Она - результат и непосредственный выразитель нестабильности и непоследовательности происходящих в России изменений, следствие нарушения ритма и специфики уклада жизни, что достаточно отчетливо фиксируется в сознании людей. И теоретический, и прикладной анализ реального общественного сознания позволяет обнаружить метаморфозы, в которых отражаются его противоречия, ставшие реальностью в период трансформационных потрясений общества, а также вскрыть их причины и возможности снижения деструктивных процессов и деформаций в общественной и личной жизни. Данный феномен - да еще зафиксированный в сознании людей - может объяснить ту необычную, специфическую ситуацию, которая сложилась в современной

России, обогатить теоретическую и прикладную интерпретацию сущности общественного сознания, и более того, внести новую лепту в развитие социологической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О таком феномене, как травма в общественном развитии, подробнее см.: *Штопка П.* Социальные изменения как травма // Социол. исслед. 2001. № 1.
2. См.: Независимая газета. 1999. № 1.
3. *Козн С.* Изучение России - без России // Свободная мысль. 1998. № 9-12. С. 24.
4. Подробнее см.: *Шабанова М.* Социология свободы: трансформирующееся общество. М., 2000.
5. *Леваиов В.К.* Социополитические стратегии развития России // Социол. исслед. 2000. №7; *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М., 1997; *Сикевич З.В.* "Образ" прошлого и настоящего в символическом сознании россиян // Социол. исслед. 1999. № 1.
6. Цит. по: Смена тысячелетий и социальные альтернативы // *Вопр. экон.* 2000. № 12. С. 29.
7. Цит. по: *Чинакова Л.* "Челюсти рационализма" или тиски бедности? // Свободная мысль. 2001. № 2.
8. *Горшков М.К.* Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000; *Левада Ю.* От мнений к пониманию. Социологические очерки 1993-2000. М., 2000; *Лисовский В.Т.* Динамика социальных изменений (опыт сравнительных социологических изменений российской молодежи) // Социол. исслед. 1998. № 5; *Попова И.М.* Повседневные идеологии. Как они живут, меняются и исчезают. К., 2000.
9. *Буцик В.В.* Социальная база поддержки социальных преобразований // Социол. исслед. 1998. №9; *Ручкин Б.А.* Молодежь и становление новой России // Социол. исслед. 1998. №5; Россия на рубеже веков. М., 2000.
10. *Тоценко Ж.Т.* Взаимодействие рабочих и управленческого персонала // Наука, политика, предпринимательство. 1999. № 1-2.
11. *Балабанова Е.С.* Андекласс: понятие и место в обществе // Социол. исслед., 1999. № 12; *Попова И.П.* Маргинальность. Социологический анализ. М., 1996; Маргинальность в современной России. М., 2001. О некоторых проблемах ложного сознания см.: *Покровский Н.Е.* Российское общество в контексте американизации (принципиальная схема) // Социол. исслед. 2000. № 6.
12. *Кривошее В.В.* Криминализация общества: сущность процесса, российская специфика. Калининград, 2000; Нетерпимость в России. Старые и новые фобии. М., 1999; *Рывкина В.В.* Теневизация российского общества: причины и следствия // Социол. исслед. 2000. № 12.
13. *Митев П.-Э., Иванова В.А., Шубкин В.Н.* Катастрофическое сознание в Болгарии и России // Социол. исслед. 1998. № 10.
14. См.: Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2000. № 3.
15. *Балабанова Е.С.* Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегии негативной ориентации // Социол. исслед. 1999. № 4.
16. *Глазьев С.* Вступая в XXI век // "Завтра". 2000. 31 октября.
17. *Орлова И.Б.* Самоубийство - явление социальное // Социол. исслед. 1998. № 8; Частично эта тема раскрывается в: *Вавилина Н.Д.* Бедность в России как социальное явление и социальная проблема. Новосибирск, 2000.
18. *Головаха Е.И., Панина Н.В.* Потенциал протеста украинского общества // Социол. исслед. 1999. № 10; *Кинсбургский А.В.* Социальное недовольство и потенциал протеста // Социол. исслед. 1998. № 10.
19. *Бутенко А.П.* Историческое забегание как новация XX века // Социол. исслед. 1999. №6; *Назаров М.М.* Социальная справедливость: современный российский контекст, 1999, № 11; *Стенцова Л.А.* Социальная мифология и проблемы современного социального мышления. М., 1999.
20. *Беленький В.Х.* Социальные иллюзии: опыт анализа // Социол. исслед. 2001. № 5.
21. *Ермаков Ю.А.* Манипуляция личностью: Смысл, приемы, последствия. Екатеринбург, 1995; *Карамурза С.Г.* Манипуляция сознанием. М., 2000.
22. *Блок Марк.* Апология истории или Ремесло историка. М., 1986.
23. См.: *Тоценко Ж.Т.* Социология жизни как концепция исследования социальной реальности // Социол. исслед. 2000. № 2; *его же.* Социология. Общий курс. М., 1998.
24. См.: *Бутенко И.А.* Постмодернизм как реальность, данная нам в ощущениях // Социол. исслед. 2000. №4.